

От автора: 9 мая 1961 года, когда я учился в пятом классе, на уроки к нам были приглашены ветераны — участники Великой Отечественной войны. (Не удивляйтесь упоминанию уроков: ведь тогда день 9 мая не был «красным днём календаря»). Мы тогда в этот день «грызли гранит науки» в школе, а наши родители возили навоз на колхозные поля, потому что вот-вот предстояла их вспашка). Одной из приглашённых была народная сказительница России Олимпиада Васильевна Антропова — двоюродная сестра моего дедушки Копылова Василия Демидовича. Она много лет работала в Северном русском народном хоре, сочиняя

как тексты для песен, так и участвуя в постановках концертов. Во время Великой Отечественной войны она была руководителем фронтовой агитбригады, и выезжала, естественно, с концертами на фронт. И вот летом 1944 года она была приглашена отделом контрразведки СМЕРШ для проведения спецоперации по введению в заблуждение противника, расположенного перед фронтом войск РККА в Белоруссии, где уже через день-два должна была начаться крупнейшая операция «Багратион». Главная цель этой спецоперации — создать у немцев иллюзию полного затишья на фронте со стороны РККА в зоне «Белорусского балкона». Иными словами говоря, скрыть от противника замысел о нанесении главного удара РККА в Белоруссии именно в зоне этого самого «Белорусского балкона». Как показали последующие события, задуманное с блеском удалось! Немцы никак не ожидали наступления РККА в Белоруссии, и неожиданность удара РККА на этом участке фронта стала решающим фактором конечного успеха операции «Багратион». Как всё там происходило — мной услышано из первых уст... К сказанному остаётся лишь добавить, что и командир дивизии генерал-майор Квашнин А.П., и народная сказительница России Антропова О.В., и полковник СМЕРШ Ванька «Кот», с которых списаны образы героев повествования — мои земляки. Маленькое пояснение: ниже приведённый текст — рассказ из моего многотомного повествования «Уйдома», над которым я работаю уже восемнадцатый год.

Сергей Кириллов.

На Восточном фронте происходили события невероятные. 20 июня, в день, когда освобождён был Выборг, в штабе дивизии генерала Майкова прозвучал телефонный звонок. Чего, вроде бы, особенного — мало ли их звучит за день-то — но стоило лишь телефонисту поднять трубку, как он тут же протянул её комдиву с присказкой:

«Комфронта!»

Палуша не мешкая протянул руку, прижал трубку к уху и коротко доложил:

— Генерал Майков у аппарата!

— Здравствуй, Павел Федосович! — радостно-возбуждённо донеслось до слуха, и Палуша как-то сразу опешил: с чего бы это? Всё последнее время разговоры с вышестоящим начальством были краткими, велись на строго официальном языке, в них не звучало никаких важных вопросов и, конечно, пустопорожних тем, а тут вдруг... тут вдруг такой радостный голос командующего.

— Здравия желаю, товарищ командующий! — машинально отозвался Майков, чуя, однако, какую-то необычность в тоне разговора комфронтотом.

— Хочу тебя спросить, Павел Федосович... — прозвучало в трубке.

Палуша замер, ожидая продолжения, но на линии стояла тишина.

— Хочу спросить... — последовало после порядочной паузы, — ...не пропало ли у тебя желание поплясать?

Палуша растерялся поначалу, но как-то быстро вспомнил разговор с командующим по случаю успешного овладения высотой под Витебском и неуверенно ответил:

— Да нет... вроде бы...

— А чего ж так робко? — прозвучал вопрос в трубке.

— Да... не время, вроде как...

— Это почему же?

— Так повода же нет.

— Ну, почему же? — не согласился голос в трубке. — Повод как раз и есть. Ты ж ведь знаешь, что наши войска освободили Выборг?

— Знаю.

— Вот тебе и повод, чтобы поплясать! — совсем уж весело проговорил командующий. — Что ты на это скажешь?

— Да..., да неожиданно как-то это...

— А чего тут неожиданного? — перебил его комфронт. — На фронте у нас всё тихо, на улице тепло, Выборг освободили...

— Да так-то, оно, всё так...

— Короче говоря, Павел Федосович, я тебе направляю фронтную агитбригаду, и ты можешь вволю с ними поплясать! Появилась у меня такая возможность, а обещанное надо выполнять — верно я говорю?!

Палуша уловил в голосе командующего какие-то озорные нотки, незнакомые ему доселе, и настроение комфронта невольно передалось и ему. «Ну, а почему бы нет? — мелькнуло в его голове. — В самый раз вроде бы».

— Когда они будут? — задал он вопрос.

— А вот уже выехали! — снова бодро отозвался комфронт. — Так что встречай, Павел Федосович, и радуйся вместе с подчинёнными! Будь здоров!

В трубке щёлкнуло и всё стихло. Палуша тут же пригласил к себе замполита с начштабом и поведал о неожиданной новости.

— Что будем делать? — спросил после объявления. — Как и где организовать концерт?

Подчинённые растерянно переглянулись, ошеломлённые неожиданной новостью, и пожалы плечами. И в самом-то деле: где и как организовать такое мероприятие? Ведь ни помещения подходящего поблизости, ни условий... Да ведь и людей же под рукой немного, всё-таки не «передок», где боец возле бойца сидит да с бойцом разговаривает.

— Надо обзвонить всех, кто поближе, — предложил замполит, — пусть соберутся по-быстрому. На сколько ожидать-то?

— Да если б знать, — развёл руками Майков. — Сказано только, что они выехали — и всё. Что у нас там?

И Палуша мотнул головой в сторону передовой.

— Да тихо всё, — ответил начштаба.

Подождал, подумал и добавил:

— Гармошки даже ихние губные слышно иногда!

— Н-да-а, — произнёс Майков. — Прямо курорт, а не война!

Они перебросились ещё несколькими фразами и решили, в конце концов, что надо сперва дождаться артистов, а уж потом собирать людей, которые поблизости.

Автобус с агитбригадой появился в расположении дивизии примерно через час. Был это действительно хоть и старенький да маленький, но автобус, и в нём сидело одиннадцать человек. Двое было баянистов, трое мужичков хоть и «за пятьдесят», но бодреньких, а остальные — обыкновенные с виду русские бабоньки разного возраста. Их с улыбкой встретил замполит и сразу же объявил о намерениях командования собрать к штабу близко расположенных солдатиков с их командирами.

— А что, разве они не все вместе сейчас? — спросила моложавая полноватая женщина — руководитель группы, как позже выяснилось.

Замполит замялся.

— Вместе-то вместе, — проговорил он, — но это только «на передке».

— Вот и поехали на этот ваш «передок»!

— Да вы что?! — округлил глаза замполит. — Там же стреляют!!!

— Люди там есть? — в упор уставилась на замполита собеседница. — Солдаты?..

— Как не быть...

— Вот и поехали!!! — перебила его женщина.

— Да я не имею права!!! — воскликнул полковник. — А вдруг с вами что случится? Что я тогда буду делать?!

— Мы ведь, товарищ полковник, не в колхоз ехали-то! — осадила его руководитель. — И не для детсадика песни петь собрались, а для солдат и командиров! Защитников наших! Это Вам понятно?!

Замполит опешил. Он растерянно закрутил головой в поисках поддержки, и в это время из-за автобуса показался уже знакомый многим полковник СМЕРШ, сопровождавший со своими бойцами агитбригаду. То, что произошло дальше, потом ещё долго передавали из уст в уста все солдаты и офицеры дивизии, потому что происшедшее было почище и поярче самого зажигательного концертного номера.

Почти в то же время к автобусу подошёл командир дивизии, и приезжий полковник поспешил к нему навстречу. Они обнялись, как старые знакомые, и полковник, поводя рукой в сторону артистов, произнёс:

— Вот, Павел Федосович, принимай гостей!

Майков повернулся в сторону приезжих и с улыбкой шагнул к ним навстречу. «Здравствуйте!» — выразительно поклонившись, поприветствовал он артистов и вдруг замер. Одна из гостей — та самая, которая только что выказывала намерения агитбригады попасть «на передок» — неожиданно застыла как вкопанная и не мигая уставилась на комдива. Того тоже «хватил столбняк», и перед глазами собравшихся неожиданно возникла немая сцена.

— Ванюшка! — неожиданно «ожила» руководитель агитбригады в совершенно непредсказуемом обращении к полковнику СМЕРШ. — Это кто?!!

Тот улыбнулся во весь рот на глазах у многочисленных уже сослуживцев и проговорил:

— А это, Линушка, Федосья Майковой сын!!!

Теперь уже замерли все! Да что — замерли; впечатление было такое, что все, слышавшие эту фразу полковника из особого отдела, просто умерли мгновенной смертью и окаменели, будто статуи египетских фараонов! Как это — «Федосья Майковой сын»? Она что — Федосья эта — богородица какая новаявленная что ли? А это-то тогда кто — задавшая столь невыговариваемый вопрос? Да ещё и задавшая его полковнику СМЕРШ!!! Даже сам виновник этого «вселенского столбняка» выглядел не живее, чем его подчинённые, хоть и немало уж повидал всякого на белом свете! Но только выглядел... В голову его всё-таки вошло выражение «Кота» — а полковник-«особист» это, конечно же, был Ванька «Кот», его односельчанин — и генерал, начав «крутить мозгами», обнаружил, что в приехавшей руководительнице агитбригады уж очень много сходства с Линой Демидовой, двоюродной сестрой Гришки Демидова, спасённого им ещё под Кемью в восемнадцатом, его — Майкова то есть — односельчанкой! С той самой Линой, родная сестра которой Соня так хотела выйти замуж за деревенского забияку Палушу

Майкова, но того безнадежно «присушила» на всю жизнь другая, ставшая в итоге сводной родственницей Сони. С той самой Линой, которая сама мечтала выйти замуж за «Кота», хоть и более старшего, чем его родной младший брат Ванька, но погибшего за Россию ещё в ТУ войну. Ещё какое-то время они не сводили глаз друг с друга, выискивая в обличьях неуловимые деревенские сходства из далёкого уже детства, потом почти одновременно расцвели сначала робкими, потом уж улыбками до ушей, а уж подстёгнутые ими бросились друг на друга, как два молодых петушка в бой!

«Палушенька-а-а-а!!! — уткнувшись в майковское плечо, испустила в пространство энергичная звонкоголосая женщина. — Как же я рада-а-а!!!»

И немая сцена на всю гвардейскую дивизию!!! Оно, конечно, весь личный состав не мог бы её видеть, но те, кому столь повезло, передавали потом увиденное со всем возможным тщанием и точностью! Чтобы уж точно знали все до единого солдата! И все узнали! И никому бы в голову не пришло в тот момент измерять степень силы народной, влившейся в души солдатские и командирские от увиденного, ибо никаким инструментом эту силу было бы не измерить, и никакому бы врагу её не сокрушить, если бы, не дай Бог, он это вздумал! Вот как ещё бывает на войне! И думать не придумаешь как может быть, а оно бывает!

Постояли так-то Палуша со своей землячкой в обнимку (да и в слёзы же скупые, хоть и невидимые), осознали душами, навстречу друг дружке потянувшимися, непередаваемую ценность такой встречи и... и услышали вдруг ладошные хлопки!.. Засмутились, услышав, отстранились малость друг от друга — а хлопки ещё сильнее зазвучали! — и тогда уж, ещё больше улыбнувшись, жарче прежнего прижались друг ко дружке! И получилось это всё получше да поубедительнее, чем в каком-нибудь кино! Потому что истово сделано было, от чистого сердца! И увидевшие это оценили! Да и как может быть иначе?.. Истовое — оно всегда по высшей шкале оценивается!

— Павлушенька! — очень быстро вернувшись в суровую военную действительность, горячо заговорила Лина (а это, конечно же, была она — Ангелина Александровна Демидова — Лина Демидова, если по-простому, по-уйдомски), — нас тут не пускают на передовую!

— Кто не пускает? — не подумав над вопросом, воскликнул Палуша.

— Замполит ваш!

— И правильно делает! — опомнился Майков.

— Как это — правильно?! — отшатнулась от него Лина. — А для чего же мы тогда приехали?

— Вы приехали петь песни! — широко улыбаясь, погладил её Палуша по плечу.

— Для кого?

— Для нас.

— А солдаты? — возмутилась Лина. — Они что, не люди что ли?

— Но там передовая! Там очень опасно!

Палуша старался быть спокойным и рассудительным, но это не помогло.

— Ты это дело брось, Палуша! — сдвинув брови, сердито возразила Лина. — Мы, конечно, споем и для штабистов, но сначала для тех, кто в бой может уж завтра пойдёт!

— Но...

— И никаких «но»! — резко оборвала Лина попытки Майкова ей возражать. — С особым отделом всё это обговорено! Правда, Ванюшка?!

Она повернулась в сторону полковника Кошелева, и тому ничего не оставалось делать, как развести руками.

— Ну, коли так, — Палуша тоже повторил жест своего земляка, — тогда поехали...

...Они довольно скоро преодолели расстояние до расположения ближайшего стрелкового полка и остановились возле его штаба.

— Дальше автобусу нельзя! — жёстко заявил Майков. — Придётся пешком.

Вся агитбригада без малейшего ропота двинулась в указанном направлении, и очень скоро они оказались в расположении полка. Предупреждённый по телефону личный состав максимально сгрудился в одно место, образовав «зал» никак не меньше сотни человек, туда же подогнали «полупорку», раскрыли у неё все три борта, и образовалась импровизированная сцена. Дело оставалось за малым...

И вот тут Палушу по-настоящему охватил страх! Мало того, что он воочию увидел, что пары-тройки залётных мин будет достаточно, чтобы насмерть уложить несколько десятков его подчинённых сразу, так ещё же и артисты могут тут остаться навечно! Ведь одно дело — петь с земли, и совсем иное — петь с раскрытого кузова «полупорки»! Видимость совсем иная. Но поворачивать было поздно. Оставалось только уповать! И Палуша взмолился! Сделал он это мысленно, стараясь не показать своего душевного состояния, но сделал с такой истовостью и откровенностью, что вряд ли его душевное волнение осталось незамеченным у подчинённых.

А артисты, между тем, взобрались на кузовную площадку и, поприветствовав слушателей, запели «Широка страна моя родная»! Делали они это выразительно и многогласно, под переливчатые баянные переборы, а потому, когда последний аккорд истаял в воздухе, пространство заполнили бурные аплодисменты, которым, казалось, не будет конца. Но мало-помалу ладошные хлопки стихли, и артисты запели «Я по свету немало хаживал...». И опять в многоголосье, опять звонко и разливанно, опять под бурные аплодисменты в конце. Потом спели ещё несколько песен из утверждённого «наверху» репертуара, сплясали, снова спели и вдруг... вдруг, когда совсем затихли аплодисменты, и настал черёд объявить очередную песню, откуда-то со стороны донеслось хоть и заглушённое расстоянием, но отчётливое:

«Катюшу-у-у!!!»

Все обмерли! Все мгновенно определили, что звук этот проистекал ОТТУДА! Из-за линии окопов! Именно из-за линии, а не из самих окопов, как можно было бы подумать поначалу. Но там... Но там же нет РУССКИХ солдат!.. Там есть только солдаты немецкие. То есть враги!!! И они кричат «Катюшу-у-у!»

«Ну., сука!.. — вскочил на ноги сидевший неподалёку от «полупорки» молодой лейтенант. — Я те сейчас покажу «Катюшу»!..

И он пулей рванул к линии окопов, к тому самому месту, где размещалось пулемётное гнездо.

«Товарищ лейтенант!» — раздалось вдруг со стороны «полупорки».

Раздалось, вроде бы, негромко, но требовательно, и отчётливо было услышано всеми собравшимися. Лейтенант замер чуть ли не в прыжке и повернул голову на прозвучавший женский голос. Он исходил от руководительницы агитбригады — той самой полноватой женщины, которая и объявляла очередные номера концерта, и все, не сговариваясь, удивились! Ведь голос был негромким. Да, он прозвучал требовательно, но совсем не так, как это прозвучало бы из уст какого-нибудь боевого полковника — громогласно, непререкаемо, угрожающе даже. Тут же ничего этого нет! Никакой угрозы, никакой истошности, и в то же время прозвучало столь властно, что не остановиться, чтобы узнать в чём дело, было невозможно.

— Ну, зачем же Вы так, товарищ лейтенант?! — с мягкой укоризной проговорила женщина, подходя в офицеру, и снова все обмерли! Прямо как в театральном спектакле каком-то, прямо на глазах у собравшихся разворачивалось что-то невероятное.

«Зачем же так-то?! — снова с той же укоризной произнесла руководитель ансамбля и взяла лейтенанта под локоть. — Зрителя надо уважать!!!»

Совсем ошеломила всех! Какого ещё «зрителя»? Что имеется в виду?! Как понять происходящее?!

— Коль просят, — руководительница сделала паузу, — ...коль просят, значит надо уважить!

И ни слова более не говоря, развернулась назад. Быстро и с неожиданной ловкостью шагнула на платформу «полуторки» и еле заметно кивнула головой баянистам.

То, что произошло дальше, потом ещё долго обсуждали все до единого солдаты и офицеры. Обсуждали как величайшее чудо, происшедшее прямо на их глазах! Чудо, которому все они были безмолвными свидетелями, хоть и боялись поверить поначалу, что такое вообще может быть на белом свете! А началось оно — рукотворное, человеком созданное чудо — с самых первых звуков баянов. Как-то уж совсем по-особому излились из мехов первые звуки хорошо знакомой песни! Как-то уж совсем не по-полевому, а будто бы на концерте перед членами ЦК партии, исторглись в пространство первые слова, и все услышавшие их мгновенно замерли. Они вдруг поняли и сердцами своими почувствовали, что артисты пошли в бой! Тот самый «последний и решительный»!!! Когда «или-или!» Когда либо ты — либо тебя! Но наступление это песенно-артистическое было столь могучим, что ни о каком ином исходе разгоревшегося боя за людские души не могло бы быть и речи! Песня зазвучала столь мощно и разливанно, что все невольно подумали: так-то ведь и в ставке Гитлера услышать могут! И зазвучала не какая-нибудь «обязательная» мелодия из строго ограниченного репертуара, а самая настоящая народная! И на всю округу!..

После заключительного баянного аккорда не пошевелился никто. Все замерли на своих местах, словно навек пригвождённые к земле. Никто не хлопал, никто не шевелился, — все, казалось, помутилось рассудком. И в этой-то тишине слышался вдруг звук далёкого весеннего ручейка, который пробивает себе дорогу под ярким солнышком среди бескрайних снегов. Пробивает, всё более и более набирая силу и мощь от увеличения числа водяных струй в нём. И звук этот проистекал ОТТУДА! Из-за линии окопов!.. Но ведь там же нет никакого снега!!! Там же не может течь никакой весенний ручеёк! Ведь на улице жаркий июнь! Что это? Что ещё за напасть на красноармейские головы? Но хватило всего лишь нескольких мгновений, чтобы понять природу этого звука: очень скоро все присутствующие на концерте красноармейцы — все до единого и все в одно мгновение! — поняли, что слышат они звук многих людских ладоней, бьющих друг о друга! Звук аплодисментов!!! И он долетает ОТТУДА!!! Пусть и приглушённый расстоянием, пусть еле различимый, но он долетает!!! И не успел ещё никто ничего ни сделать, ни начать тоже аплодировать, как ОТТУДА донеслось придавленное расстоянием «Спасибо!!!» Потом ещё..., потом «Карашшо!..», дальше «Данке!..» и всё тот же звук весеннего ручейка! И лишь после этого все слышавшие песню красноармейцы взорвались, как один, мощнейшими аплодисментами! Словно всесокрушающей артподготовкой перед решительным наступлением! Все вскочили, как один, и уж стоя постарались выразить сполна всё, чем переполнилась душа!

И всем вдруг как-то одновременно пришло в голову: а как теперь воевать-то? Ведь, выходит, ТАМ тоже сидят люди! Коль они сами попросили исполнить поправившуюся песню, коль они так искренне поблагодарили за её исполнение, значит... но это значит... Какие же это враги России, если они любят русские песни?! Что же они тогда тут делают? Зачем пришли? Чего хотят? Из той реакции, которой стали невольными свидетелями многие бойцы и командиры, выходило, что кричащие ОТТУДА вряд ли хотят нести смерть. Но тогда зачем война? Кому она нужна? Не пора ли её кончать? И нашлись ведь пожилые солдатики, которые безусыми юнцами братались с немцами ещё в ТУ войну! Которые братанием этим выражали истинные чувства народов разных наций! И всё это пролетело в головах людских столь стремительно и будоражащее, что никто не вспомнил более ни о каких мерах предосторожности. И уже приплясывать стали наиболее непоседливые и пышущие жаром молодых сердец бойцы вместе с артистами на кузовной площадке «полупорки». И уж полились из уст приезжих гостей совсем не те слова и музыка, которая рекомендована была для исполнения начальством и разного рода комиссарами, а самые что ни на есть задушевные русские мелодии. Ну и пляски... Если до этого «коленца выкидывали» лишь brave мужички из ансамбля, то теперь в пляс пустились чуть ли не все собравшиеся на концерт! И выглядело это со стороны как буйный пир человеческих душ, истосковавшихся по добру, по дому, по семьям, по детям, по мирной жизни, наконец! Чтобы уже если завтра в бой смертельный, то хоть встряхнуться бы по-русски удало и бесшабашно! Ну, а уж там как будет и что Бог даст. И не было, казалось, на свете силы, которая могла бы остановить эту вселенскую пляску и буйство человеческих душ! И не имело никакого значения количество и величина звёзд на погонах тех, кто всё это видел и в чём самолично участвовал!

И случилось в разгар этого вседивизионного веселья вдруг то, чего уж и вовсе никто не ожидал. В какой-то момент на середину образовавшегося круга вышел комдив, протянул приглашающую руку своей землячке (а все уже поняли, что руководительница приезжего ансамбля — землячка комдива) и, выведя её на самую середину, пустился вдруг в такую разудалую «присядку», что можно было бы подумать, что всё это вытворяет молоденький лейтенант, пришедший со вчерашним пополнением, а не тёртый жизнью генерал, распечатавший шестой десяток прожитых годов! Как жаль, что этого не могла увидеть вся дивизия, генералом возглавляемая, но узнали об этом все до единого её бойцы! Потому что не было на тот день важнее новости, разносимой «солдатской почтой», чем вот эта: комдив плясал «вприсядку» в паре с приезжей артисткой! И попробуй теперь останови любого из бойцов такой дивизии, если ЭТОТ командир поднимет его в бой! Да тут и пуля-то не всякая способна на такое!

Концерт явно перевалил за отведённые ему рамки. Более того; он стал концертом не только для бойцов Красной Армии, но и для её противников. Ведь в самый разгар веселья самые внимательные наблюдатели (а расслабляться до конца, конечно же, было нельзя, несмотря ни на что) заметили, как наиболее отчаянные немецкие солдаты выскакивают за бруствер перед окопами и отчебучивают на виду у всех такие же лихие плясовые коленца, что и красноармейцы, для которых проводился концерт! И при этом ничуть не задумываются о собственной безопасности, полагая, что в такую минуту ни одной живой человеческой душе не придёт и в голову открывать огонь, или ещё что-то смертоносное предпринимать! А коли так — чего ж бояться-то?.. И отплясывали...

Всё завершилось гораздо позже рассчитанного времени. Уже порядком приосмлевшие артисты, ошеломлённые ТАКИМ приёмом, всё продолжали и продолжали озвучивать «на бис» знакомые ещё по довоенной поре всем приглянувшиеся мелодии, и, казалось, этому не будет конца. Потому что каждая такая песня неумолимо уводила солдата в его родной дом, в его семью, в его деревню, из великого множества которых было большинство красноармейцев, и никому не хотелось эти сладостные минуты свидания с домом — пусть даже вот с таким, мысленным — прерывать. И никому не хотелось стрелять, пусть даже и враги, окончательно осмелевшие, наслаждались концертом для красноармейцев, как концертом для себя. Они просто перестали быть врагами на тот момент, превратившись в обыкновенных «детей Божьих», коими, вообще-то, и были когда-то произведены на свет белый. Оволшебствление «зала» было полным и абсолютным!

И лишь уже после всего, уже выслушав все неподдельные «спасибо» и «карашо», летевшие прямо от поднявшихся над бруствером наиболее осмелевших немцев, уже отъехавши от «места события», Лина и Палуша вместе с Ванькой разговорились «за чашкой чая», как в родной Уйдоме. Сначала-то, конечно же, все вместе, со всем ансамблем, ну а уж потом уединившись. Да и могло ли быть как-то иначе? Чтобы встретившись через столько лет, столько пережив и перенеся на своих плечах, да и не разговориться наособицу? Не может быть никак по-другому в такой ситуации! И не было! Разговаривали, вспоминали обо всём, что было в их довоенной жизни, и не было для них на тот момент ничего важнее, чем этот вот разговор. Даже освобождение Витебска, к началу которого всё было готово! Даже взятие Берлина, в котором никто уже не сомневался, а лишь думал, КОГДА именно это произойдёт. И так чуть ли не на всю короткую летнюю ночь! Вот уж недаром говорится и поётся, что «нам песня строить и жить помогает!» Ещё как помогает!

Но и этим дело не кончилось. Ничего не стал говорить «Кот» о том, что вся эта «операция» была задумана им, как последний гвоздь в головы генералов противника. Что с её помощью он мечтал окончательно внушить немецкому командованию, что ТУТ у Красной Армии «полный курорт»! А уж когда Кошелев прознал, КТО именно руководит ансамблем, появившимся в расположении фронта, тут и вовсе он включил все резервы в разговоре с командующим. И тот его полностью поддержал. Да ведь и подыграл же! Ни словечка же ведь не выдал про то, что в дивизию Майкова едет с концертом его землячка! Ну и всё сработало как нельзя лучше. И даже немцы этому способствовали, восхитившись исполнительским мастерством артистов!

Именно немцам-то и досталось на другой день. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Буш, узнав от своих подопечных о «нештатном» происшествии, выразившемся в «концерте по заявкам» русского ансамбля, выписал, во-первых, нагоняй своим подчинённым за эдакое их самовольство, а во-вторых, задумался: а что же это происходит-то перед войсками его фронта? По всему видать, тут русские и думать-то забыли о войне, коль так распелись! А погода-то какая хорошая!.. Самое времечко хоть малость отдохнуть! И на другой день генерал-фельдмаршал Буш отбыл в отпуск.